

ЕЛЕНА КАТИШОНОК

Счастливый Феликс

рассказы и повесть

Елена Катишонок
Счастливый Феликс:
рассказы и повесть
Серия «Самое время!»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31510127

*Елена Александровна Катишонок. Счастливый Феликс : рассказы и повесть: Время; Москва; 2018
ISBN 9785969117372*

Аннотация

"Прекрасный язык. Пронзительная ясность бытия. Непрерывность рода и памяти – все то, по чему тоскует сейчас настоящий Читатель", – так отзывалась Дина Рубина о первой книге Елены Катишонок "Жили-были старик со старухой". С той поры у автора вышли еще три романа, она стала популярным писателем, лауреатом премии "Ясная Поляна", как бы отметившей "толстовский отблеск" на ее прозе. И вот в полном соответствии с яснополянской традицией, Елена Катишонок предъявляет читателю книгу малой прозы – рассказов, повести и "конспекта романа", как она сама обозначила жанр "Счастливого Феликса", от которого буквально перехватывает дыхание. Да и другие рассказы, наверное, автор могла бы развернуть из "конспектов" в более просторные полотна. Могла бы – но не стала. Потому что знает цену точной детали, лаконичной фразе,

мастерски выстроенному сюжету. Единый сюжет есть и у всей книги. Автор видит его так: "от сияющего бесконечного дня ребенка к неумолимой взрослой осени, когда солнце движется к закату, но тем неистовее становится желание жить".

Содержание

Информация от издательства	5
Язва	7
Творческая жилка	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Елена Катишонок

Счастливый Феликс

Информация от издательства

Художник *Валерий Калныныш*

Катишонок, Е. А.

Счастливый Феликс: рассказы и повесть / Елена Александровна Катишонок. – М.: Время, 2018. – (Самое время!)

ISBN 978-5-9691-1737-2

«Прекрасный язык. Пронзительная ясность бытия. Непрерывность рода и памяти – все то, по чему тоскует сейчас настоящий Читатель», – так отозвалась Дина Рубина о первой книге Елены Катишонок «Жили-были старик со старухой». С той поры у автора вышли еще три романа, она стала популярным писателем, лауреатом премии «Ясная Поляна», как бы отметившей «толстовский отблеск» на ее прозе. И вот в полном соответствии с яснополянской традицией, Елена Катишонок предъявляет читателю книгу малой прозы – рассказов, повести и «конспекта романа», как она сама обозначила жанр «Счастливого Феликса», от которого буквально перехватывает дыхание. Да и другие рассказы, наверное, автор могла бы развернуть из «конспектов» в более про-

сторные полотна. Могла бы – но не стала. Потому что знает цену точной детали, лаконичной фразе, мастерски выстроенному сюжету. Единый сюжет есть и у всей книги. Автор видит его так: «от сияющего бесконечного дня ребенка к неумолимой взрослой осени, когда солнце движется к закату, но тем неистовее становится желание жить».

© Е. А. Катишонок, 2018

© «Время», 2018

Язва

1

На двери квартиры была прикреплена маленькая латунная табличка с каллиграфической гравировкой: «Г. М. Ивановъ» и затейливыми виньетками по углам, как на визитной карточке. Жена Максимыча носила гордое римское имя Матрона, слегка скомпрометированное отчеством Ивановна, и недовольно опускала уголки губ, если ее называли Матреной. С ними жила старшая дочь Ирина, которая потеряла мужа на войне, но спустя три года неожиданно обрела внучку. Мать внучки, Иринина дочь, на яростные вопросы родных об отце ребенка отвечать не стала, как не стала и кормить младенца, и ушла то ли постоянно ночевать, то ли временно жить к подруге. Все упреки Матрены, таким образом, достались Ирине. К счастью, ни отвечать, ни оправдываться было некогда. Нужно было покупать молоко на базаре, покупать любой ценой, то есть за любую цену, а для этого нужно было сидеть за швейной машинкой, чтобы на том же базаре продать пару наволочек, что-то из дамского белья или детские чепчики.

Девочка росла здоровым, спокойным и румяным ребенком. Матрона была с правнучкой очень строгой и часто

¹ Впервые опубликовано: альманах «Образы жизни», Калифорния, 2012.

гневно выговаривала дочери, видя ее нежную привязанность к «отродью». Когда Ирина пошла работать на швейную фабрику, в доме стало тише. Ребенок рос, скандал потерял остроту, да и чего уж. Иногда в гости приходила беспутная мать и приносила гостинчик: фигурку из марципана, похожую на серый обмылок, или ромовую бабу, ничего общего ни с ромом, ни с бабой не имеющую.

Шкодой девочку первым начал называть Максимыч, любимый и единственный ее дед, хоть и прадед. Старуха – величественная, как и полагается Матроне, – так часто одергивала правнучку: «Не тронь, шкоду сделаешь!» или: «Ты опять шкоду сделала?!», что Максимыч как-то, морщась и ловя жесткими пальцами пуговицу на косоворотке, подытожил: «Шкода и есть».

Сколько помнила Шкода – а помнила она больше двух лет из своих скромных четырех, – Максимыч всегда носил эти уютные, постиранные до замшевой мягкости сатиновые косоворотки, которые аккуратно заправлял в брюки. У него были густые брови, небольшая седая бородка и упругие усы, которые Шкода старательно причесывала, а старик сидел послушно, как в парикмахерской. Время от времени он ловко хватал зубами маленькие пальцы, быстро поворачиваясь и лукаво глядя на нее черными, очень живыми глазами: страшно?

С Максимычем никогда не было страшно. Кроме того, у него были вещи, которых не было ни у кого больше, даже у

бабушки Иры: *подсигар*, часы на цепочке и язва.

Самой вожделенной из них, понятно, был подсигар – плоская серебряная коробочка, такая гладкая, что казалась оплавленной. Если надавить выступающий зубчик, крышка отпрыгивала. Внутри ровненько лежали папироски, прижатые резинкой. Узнав, что ни для чего, кроме папирос, подсигар Максимычу не нужен, Шкода долго пыталась выманить ценную коробочку, но дед упрямо отказывался. А жаль: подсигар уютно проскальзывал и укладывался в карман ее пальтишка, что было не раз проверено. Внутрь же можно было упихать множество беспризорных сокровищ: пробку от духов, трамвайные билетки, несколько бусин, двуносый красно-синий карандаш «Победа», обе игральные карты – одну с нарисованным сердцем и другую, с которой улыбался яркий симпатяга в колпаке с бубенчиками, – да мало ли!.. Дед разрешал играть с подсигаром, только не открывать. Тогда Шкода предложила называть недоступный предмет не «подсигар», а «подпапирос», чтобы избавиться от наваждения и не думать, под что еще его можно с умом использовать. Максимыч смеялся долго, вытирая лицо и лысину сложенным носовым платком. Баба Матрена тоже смеялась, колыхаясь всем большим телом под просторным платьем и ловя слезы концом головного платка.

Второе чудо – цепочку с часами – тоже хотелось заполучить, но именно в таком порядке, потому что узнавать время по часам она еще не умела.

Самым же загадочным была язва. Шкода представляла себе язву змеей, притаившейся где-то глубоко внутри Максимыча, и спросила как-то, живая ли она, на что тот бодро ответил: «А как же. Я живой, ну и она живая». Временами змея-язва мучила Максимыча так, что они не только не ходили в парк, а и сам он не вставал с дивана. В эти дни папироски он не курил, пил соду, а когда баба Матрена уходила к плите, лечился. Делалось это так. Дождавшись, пока хлопнет кухонная дверь, он открывал тумбочку, доставал бутылку с бело-зеленой этикеткой, наливал себе полную рюмку лекарства и быстро проглатывал. Бутылка отличалась от других отсутствием длинного бумажного шлейфа и белой панамки на пробке. Рюмку и бутылку Шкода быстро задвигала в глубину тумбочки, а Максимыч облегченно вытягивался на диване. «Помогло?» – уважительным шепотом спрашивала девочка. «Зараз, зараз», – шептал он в ответ: баба Матрена почему-то не любила это полезное лекарство, и знать о нем ей было нельзя.

Сейчас язва затихла, свернулась неподвижным клубком и мучить Максимыча перестала. Мутный стакан с кристалликами засохшей соды, похожей на свежую порошу, уже не маячил перед глазами. «Одевайся, Шкода! Гулять пойдем».

Когда баба Матрена застегивает ей платье на спине, пуговица всегда цепляет за волосы. «Цыганское отродье, – ворчит она. – С такими кудлами от людей стыдно!» Она со всеми строгая. Максимыч к ней подлизывается, потому что это

его мама. Вот и сейчас: «Да мы, мамынька, только в парк на часок. Иди, Шкода, галоши одевать». Баба Матрена сердится еще больше: «Одевай не одевай, галоши рваные! Хоть в ботинках ребенка пускай в такую мокроту». Максимыч быстро надел плащ, даже тросточку брать не стал: «Я сейчас, мамынька», и нету его. А я?! «Осподи! – сердится баба Матрена, – опять курить...»

Максимыч вернулся скоро, и его борода пахнет улицей и папиросами. Макинтош немножко шершавый, об него приятно тереться носом. «Давай скоренько, – бормочет Максимыч, – примерь-ка», – и достает из-за пазухи что-то в бумаге, и разворачивает, а Шкода уже торопливо стаскивает старые галоши. «Максимыч! Ты где их взял?!» – «Нашел». – «Где?» – «Да я пошел покурить, смотрю – лежат на крылечке... Ты ногу давай. Да не ту, это ж левая!.. вот так, молодца! Не жмет?»

Девочка крепко прижалась лбом к плащу старика, пока он осторожно натягивал блестящую резину на маленький ботинок.

Непривычная к ботинку, новая галоша налезала туговато. Вторая тоже. Максимыч уже который раз находит что-то хорошее. Жалко, что яркой алой серединки не будет видно, но зато галоша блестела, как елочная игрушка. «Максимыч! А это волшебник оставил? Ну, на крылечке?» – «А може... може, и волшебник. Или девочка какая потеряла. Ну, идем?»

Он торопливо заворачивал старые галоши в ту же бумагу,

когда вошла Матрон – в черном шерстяном платке и с сумкой. Новая резина пахла пронзительно-остро. Девочка радостно задрала ногу: «Смотри, бабушка Матрена, что Максимыч на крылечке нашел!» Старуха гневно сдвинула брови: «Опять? Зачем ублюдка балуешь? Это ж на какие такие...», но Максимыч виновато перебил: «Мамынька, так ведь сирота; а ну заболееет?» Однако Матрона только разгонялась: «Батьки нету, матке она не нада, даже боты не может ребенку купить!.. На кой балуешь?! Спасибо тебе кто скажет?..»

В пальто было очень тепло. Баба Матрена ругала Максимыча, а у него вываливались из бумаги старые галошки. Ей было скучно слушать про какую-то сироту. Вот бабушка Ира стихотворение знает: «Шел по городу малютка, Посинел и весь дрожал»... Без галош шел, вот и дрожал. Хотелось скорее расспросить Максимыча, как это он нашел. Слово «ублюдок» было новым и непонятным. Присев на корточки, она рассматривала свое отражение в галошах. Помпон на капоре в галоше выглядел крохотным, а нос и рот – огромными, словно надутыми. Она несколько раз тихо произнесла новое слово: оно выскальзывало очень плавно и легко, как леденец. Только бы Максимыч не рассердился. У него есть страшное ругательство, которое он выкрикивает каждый раз, когда они с бабой Матреной долго спорят: «мачческая». На «ма» он сильно топал ногой, а дальше было похоже на чихание, но очень строго.

Протянув руку, она крепко уцепилась за карман дедова

макинтоша и протянула ему бамбуковую тросточку. На лестничной площадке Максимыч застегнул плащ и натянул картуз. Девочка осторожно спускалась, держась обеими руками за перила и с нетерпением поглядывая на него. Они вышли из парадного; рядом почти синхронно громко хлопнула дверь обувного магазина.

Хорошо, что к парку надо было идти в противоположную сторону: обувного Максимыч старался избегать. В то время, когда он был еще «Г. М. Ивановъ», там располагалась его мебельная мастерская и вместо унылой продавщицы и нагромождения столь же унылых коробок стояли верстаки, суетились рабочие во главе с ним самим, а ноги утопали в солнечных кудряшках стружек, всегда пахнущих весной.

Пахло весной. Звуки, краски и запахи улицы приобрели особую отчетливость, как бывает, когда смотришь сквозь только что вымытое окно. «Не скачи, коза, нос разобьешь», — тихонько ворчал старик, когда они шли по желтому, истертому подошвами и каблуками кирпичному тротуару, тоже ставшему более желтым и четким, и оба знали, что, пока он держит ее ладошку, нос разбить невозможно. Звонко прокатился трамвай, почти пустой, и в окна можно было увидеть болтающиеся на штангах кожаные петли, за которые никто не держался. Параллельно тротуару шла лошадь, осторожно перебирая копытами по булыжнику. На телеге стояла огромная бочка, а возница держал вожжи с таким безразличным видом, словно они и вовсе не были нужны. Многие встреч-

ные уважительно с ним здоровались, и он узнав, но без улыбки кивал в ответ. «Кто это?» – спросила Шкода, быстро повернувшись к деду, отчего помпон на капоре метнулся, словно заячий хвост. «Золотарь», – усмехнулся старик. «Почему, Максимыч?» – «Золото везет». Шкода не отставала: «Где золото? – «В бочке, где ж еще».

Это было так же непонятно, как «ублюдок». Если он везет в бочке золото, чего ж не оделся понаряднее? И где он столько золота – полную бочку – взял? Может, лебедь белая наколдовала? Нет, никак этот вонючий дядька не был похож на князя Гвидона. Максимыч не обманывает, он шутит. Как он шутил тогда, после обеда: «Шкода, наелась? Вкусно было? А ну, дай пузо полизать!» Все смеялись, даже бабушка Ира, и говорили, что это шутка. Наверно, он и сейчас шутит. А про золото у бабушки Иры спрошу.

Снег уже сошел, дорожки в парке были темные и упругие. Скамейки подсохли, и Максимыч, прислонив тросточку, сел выкурить на солнышке папироску. Шкода села рядом и, держась обеими руками за скамейку, вертела по очереди то одной, то другой ногой в рейтузах, восхищенно любуясь галошами. Потом осторожно сползла, держась за его плащ, и спросила: «Максимыч, можно к девочкам?» У соседней скамейки, метрах в тридцати, играли две девочки постарше, катая игрушечную коляску. Их матери сидели на скамейке вполоборота друг к другу и увлеченно беседовали. «Только котика, – говорила одна, для понятности припечатывая

ботиком гравий, — я моему так и сказала: только котика. Каракуль уже никто не носит». Вторая с вежливой ненавистью смотрела на топающий бот. Удовлетворенно отметив, что размер бота намного больше ее собственного, с достоинством застегнула каракулевый воротник. Обе равнодушно посмотрели на приблизившуюся Шкоду. Девочки вдвоем вцепились в ручку коляски и начали катать ее взад и вперед. Шкода улыбнулась коляске и подняла глаза на счастливиц. Лица у них стали одинаковыми и взрослыми, а коляска заерзала по гравию еще усердней. «Как тебя звать?» — обратилась Шкода к ближней девочке. Девочка не ответила и подтолкнула подружку, которая остановила коляску. Та протараторила, глядя на Шкоду в упор: «Звать — разорвать, фамилия — лопнуть», потом повернулась ко второй, и обе засмеялись. Ее подруга добавила: «Мы с цыганками не водимся», — и обе засмеялись опять.

Женщины продолжали: «...первую петлю просто снимаешь, не провязывая». — «Вообще?» — «Ну да. Иначе край ровный не получится».

Максими́ч расстегнул верхнюю пуговицу плаща, снял картуз, разгладил ладонью седой газончик волос вокруг лысины и опять надел. Хорошо они вместе играют, вон как хочут, а то что ж она все одна да одна. С детьми тоже надо. На дворе одну не оставишь, а сюда можно хоть каждый день приводить. Пусть и свою куклу какую захватит. Разнообразие; а то все дома. Вот поиграют еще малость, и пора домой,

обедать.

Девочки смеялись и по очереди показывали на Шкоду пальцами: «Цыганка! Цыганка!», зажимая ладошками рты, словно пытались удержать смех, но не по-настоящему, а чтоб вышло обидней. Кукольная коляска неуверенно проехала пару шагов и уперлась в пустой край скамейки. Одна из сидящих женщин крикнула: «Лора! Прощайся, нам пора домой, обедать», потом снова повернулась к собеседнице.

Ноги в новых галошах вдруг начали подворачиваться. Больше всего она боялась, что коляска толкнет ее в спину, и она упадет. Скамейка с Максимычем была очень далеко, и надо было пройти весь путь так, словно она сама передумала и решила вернуться.

Вскочив со скамейки, Максимыч успел подхватить падающую девочку: «Куда ж ты так, я за тобой не поспею!..» Он хотел усадить Шкоду рядом с собой, но она не отпускала его шею и так и осталась сидеть на коленках, плотно вцепившись ему в лацканы и спрятав лицо. Помпон чуть вздрагивал. Старик обхватил капор и повернул к себе мокрое лицо. «Ты что? Обидели?.. Кто тебя?» – тревожно выпрашивал он. Повернул голову к соседней скамейке, но там никого не было. В нескольких шагах валялась яркая детская вязаная перчатка. Пальцы были растопырены, словно отталкивались от влажной дорожки. «Что ты плачешь?» – «Я цыганка! Максимыч, я цыганка?.. – бормотала, горестно глядя на него. – Они со мной не играют, – кивнула помпоном в сторону, – и баба

Матрена ругается...»

Старик коротко вздохнул. «Не сердись на бабу, она ж не тебя – она меня ругает: я и есть цыган». – «Ты?!» – «Я. У меня мамка-то цыганка была, мой папаша привез ее с Польши». – «Баба Матрена?» – «Да не! Моя мамаша. Она уж покойница, Царствие ей Небесное», – Максимыч снял картуз и перекрестился. «А баба Матрена тебе не мама?» Старик засмеялся: «Нет. Она ж твоей бабы Иры мамка!» – «А почему ты ее мамынькой зовешь?» – «Да привык. У нас пятеро ребят было, и все: мамынька да мамынька, ну так уж и пошло». Слезы высохли, и Максимыч был рад без памяти, что девочка забыла о своем горе. Он осторожно ссадил ее с колен и встал со скамейки, разминая ноги. Шагнув вперед, бережно подобрал оброненную перчатку и аккуратно пристроил между брусьев скамейки, чтоб видно было. Придет ребенок домой, там хватятся... а так завтра найдут.

Оказаться в компании с Максимычем было не только не страшно, но даже весело, хоть и необычно. Цыган Шкода встречала часто – они жили на соседней улице, рядом с парикмахерской, куда Шкода с Максимычем ходили стричься. Его все знали, уважительно здоровались, останавливались поговорить о непонятном, причем Максимыч неизменно вытаскивал свой подсигар. Мужчины прикуривали, сверкая золотыми зубами в ярко-черных бородах, а она скучала, рассматривая «цыганский дом». Все три этажа желтого каменного здания заселяли несколько семей, но ей всегда казалось,

что там живет одна огромная семья. Мужчины носили сапоги (она понятливо покосилась на ноги деда), и у каждого был самое малое один золотой зуб во рту, что делало улыбки зловещими, а смеялись они часто, перекрикиваясь на непонятном языке. Женщины были одеты в длинные яркие юбки, а вместо кофт носили платки с кисточками, как на бабушкиной скатерти, и тоже улыбались золотом. Дети никогда не ходили, а только бегали, кроме завязанных в платки, которых держали на руках. Время от времени из дома выходили цыганки с клубящимися вокруг детьми, мужчины выносили какие-то узлы и запрягали лошадей, все усаживались в телеги и куда-то уезжали, громко и сердито крича. Бабушка Ира говорила, что в деревню; баба Матрена как-то загадочно: «на гастроли».

«А ты умеешь говорить по-цыгански?» – с любопытством спросила Шкода. «Да откуда? Мамаша моя с Польши, по-польски и говорила. Ну и по-русски тоже умела, а как же! Отец-то у меня русский был». Он усмехнулся. Родители говорили по-русски, все двенадцать детей и записаны были по отцу, и сами считали себя русскими. Однако польский язык оказался цепким, словно столетник на подоконнике: и не поливает вроде никто, а он нет-нет да и выпустит свежий яркий побег. Вот и Матрена: уж на что покойницу-свекровь не любила и высмеивала, а словечки польские приняла легко и охотно, да еще небось разгневалась бы, знай, что польские.

Он вытащил из кармана тусклые старые часы на цепоч-

ке, взглянул, отодвинув руку вперед, на циферблат, но понять, который час, не сумел, остановленный новым вопросом: «Максимыч, а ты тоже ублюдок?» Медленно спрятал часы обратно и сказал: «Иди сюда, коленки почистить надо. Рейтузы не порвала? А галоши вон в луже обмоем». Шкода терпеливо перенесла весь обряд очищения, включая неизбежный носовой платок, который Максимыч слегка поплюнул и затем осторожно стер с ее щеки грязь. Платок пахнул табаком. Девочка взяла его за руку и пошла к луже, которая затаилась под скамейкой, как маленький пруд. Старик приподнял ее под мышки и держал так, пока она медленно болтала галошами в воде. Выпрямившись, сама поправила капор и повторила: «Скажи, Максимыч?..»

«Мать Честная, Пресвятая Богородица! – громко выкрикнул он, с яростью ткнув тросточкой в гравий. – Ты где такое паскудство слыхала?!» – «Баба Матрена сказала. А это что, Максимыч?» – «Слово паскудное! Вот я тебя заставлю рот с мылом мыть!» Девочка смотрела на тросточку, на крепкую руку, сжимавшую рукоятку, и, дождавшись паузы, спросила: «Как “маччесная”?»

Максимыч ошеломленно взял ее за руку и, сердито опираясь на тросточку, повел по дорожке. Домой спешить не хотелось. Доктор предупреждал, что кушать надо всегда вовремя, да только мог бы и не трудиться: тянущая боль в желудке сама напоминала о времени обеда. А при скандале какой же обед. В том, что без скандала не обойдется, Максимыч не

сомневался. Что ж это они все, Мать Честная?! Он не удивлялся, когда жена попрекала его их стариковской нищетой, и дело было не в тех грошах, которые оба они получали «по старости»: старость и впрямь получалась дешевой донельзя. Нет, Матрена не могла простить их миллиона в банке, который лопнул. И не у них одних деньги пропали, но об этом и заикаться не стоило – тогда ему припоминалось все: и нагло оттяпанная государством мастерская, и солидные заказчики, и – повтор с разгоном – миллион в банке, и – уж извольте радоваться! – матушка-цыганка, Царствие ей Небесное. Ничего не помогало: ни что матушка давно уж покойница, ни что крещена была, перед тем как венчаться... Максимыч привык быть виноватым перед женой за все, на что она привыкла гневаться: за жидкое молоко в лавке и за то, что нигде, кроме как в этой лавке, его не купить; за внушкин грех; за безденежье и пропавшего без вести на войне сына, за неприличную цыганскую смуглость внушки, а теперь и правнуки; даже за его язву.

Словно подслушав воровато последнее слово, желудок отозвался резкой, сводящей болью. Мать Честная! И ничего не сделать – весна, как доктор и говорил: весной, мол, и осенью всегда будет хуже. Как будто ни зимы, ни лета в помине нет. Осторожно ступая, Максимыч медленно опустился на ближнюю скамейку. «Зараз, зараз, – бормотал, – на вот, поиграй пока», – и протянул девочке портсигар. Шкода бережно погладила теплое серебро. Как-то сама собой нажа-

лась пружинка, и подсигар послушно открылся, как книжечка. Внутри щекотно и приятно пахло Максимычем – табаком. Девочка взглянула на деда, не видел ли он запретного действия: Максимыч сидел напряженно, чуть согнувшись, а лицо у него было такое, как будто ему не хочется гулять.

Вот этот кусочек – четыре скамейки – до выхода и один квартал. И через дорогу. Потом только лестница – три этажа – и все. Можно будет выпить стопку и лечь. Пара минут, и боль онемееет. Весна, говорил доктор.

Шкода осторожно сомкнула створки портсигара, и он закрылся тихим щелчком. «Сейчас придем домой, – лукаво улыбнулась она, – и ка-а-к крикнем бабушке Матрене: цыгане пришли! Да, Максимыч?»

Улыбнулся через силу, через сильную боль, но не улыбнуться не мог. «Шкода, Шкода, – медленно выговорил он, – давай сюда подсигар, это не игрушка».

Творческая жилка

Бабушка Матрена собиралась уходить очень давно, но все не уходила, только хмурилась и бормотала: «Ключи... Платок... Кошелек...» Уже в пальто, повернулась и погрозила Шкоде пальцем:

– Смотри!..

Девочка послушно ждала, пока закроется дверь. Два раза щелкнул замок, словно орешек разгрыз.

Ушла.

Шкода видела в окно деревья, противоположный тротуар и магазин, у которого стояла очередь. Над входом висел плакат «Слава Октябрю», хотя был май. Открывать окно нельзя, «а то шкоду сделаешь», но никто не запрещал лечь на пол. А кто мог запретить? Бабушка Матрена ушла, дед лежал в больнице, мама уехала еще до Пасхи. Она долго собиралась и примеряла два новых платья, но в чемодан положила только одно. Потом передумала, вытащила первое и начала складывать второе. Вдруг заплакала прямо над открытым чемоданом, и бабушка рассердилась:

– Что ж он за цаца такая, что ты столько денег промотала? Вон одна завивка небось...

– Он никакой не «цаца», он... У него творческая жилка! Бабушка неожиданно засмеялась:

– Это ж какой тебе прок с этой жилки, что белугой реवेशь

ни с того ни с сего?

И ушла на кухню. Все знали про какую-то цацу с творческой жилкой, и Шкоде стало очень интересно, как эта жилка выглядит. Она спросила у мамы, но та сказала: «Сама увидишь» – и села красить ногти. На следующий день мама должна была уезжать на курорт, и не сама по себе, а с Творческой Жилкой, так что увидеть цацу Шкода не могла.

– А курорт – это далеко?

– Будь здоров, – ответила мама, хотя Шкода и не думала чихать.

– Ты на такси поедешь или на трамвае?

– Дурашка ты! На такси до курорта не добраться. Мы на поезде поедем.

– Ты и цаца?

Мама рассердилась.

– Эт-то что такое? Сама от горшка два вершка, как ты выражаешься?!

Надо было дожидаться деда из больницы, он скажет. Когда дедушка Максимыч опирается на тросточку, на его руке вздуваются жилки. Закашляется – жилка дергается на шее. На бабушкиных руках, когда та стирает белье, такие же. Это творческие или не творческие?..

...Снизу все выглядело иначе, даже буфет, известный давным-давно, потому что буфет намного старше Шкоды. Там за стеклом стояли сахарница, вазочка с печеньем и банка какао, а во втором ряду всякие коробочки и кулечки разных

размеров. Встав на придвинутый стул, девочка осторожно, чтобы не уронить сахарницу, попыталась их достать. От корбочек приятно пахло киселем, яблочным пирогом и еще чем-то знакомым. Внутри, однако, не нашлось ничего даже отдаленно напоминающего вкуснятину, только тонкие палочки и какая-то темная труха. Шкода хорошо знала вкус какао, поэтому уверенно сняла крышку с банки. Внутри был порошок, вроде маминой пудры, только коричневый. Она послонила палец и, сунув его в банку, облизала. Пыль какая-то, а не какао.

Поставив банку на место, она собралась уже спускаться, но взгляд упал на другую полку. Там в ряд, как солдатики, выстроились тонкие рюмки, фарфоровые мальчишки и девочки кланялись друг другу и стояли маленькие, но очень тяжелые часы в золотых завитушках. «Это бронза», – поправила когда-то бабушка таким строгим голосом, что стало ясно: по сравнению с таинственной бронзой золото – тьфу. Часы настоящие, только не ходят, потому что были поломаны «в мирное время». Наверное, тогда же перестали ставить на стол нарядные рюмки, решила Шкода, – рюмки тоже были настоящие.

Она поставила стул на место, к этажерке, отчего та покачнулась, и сверху свалился желтый комочек. Это был смешной цыпленок, подаренный ей на Пасху. Цыпленок был сделан из желтой ваты, на голове у него сидела черная блестящая шляпа, как у трубочиста, а сбоку была прикреплена тро-

сточка. В тот день трудно было дожждаться, когда разойдутся гости, – хотелось скорее с ним поиграть, однако бабушка Матрена не дала – ловко схватила подарок и поставила на верхнюю полку.

– Это не игрушка. Шкоду сделаешь.

Обидно – девочка как раз собиралась познакомить веселого цыпленка с одноухим медведем, плюшевым слоном и куклой Наташей, даже расставила кукольный сервиз.

Несколько дней Шкода ходила за прабабкой, выклянчивая цыпленка «только потрогать одну минуточку». Та вздохнула, открыла шкаф и долго что-то в нем искала. Наконец захлопнула дверцу и вытерла вспотевшее лицо.

– На вот, играй!

В протянутой руке бабушка Матрена держала... маленькую тетеньку. Потому что кукол таких не бывает, и Шкода смотрела заворуженно, забыв свою обиду и даже про цыпленка желтенького забыв.

– Это мамки твоей кукла, с мирного времени. Немецкая работа; сейчас разве таких делают?

Она презрительно взглянула на целлулоидную Наташу в окружении слона и увечного медведя, бережно расправила розовые, мирного времени, складки платья и сунула куклу правнучке.

– А как ее зовут? – Шкода все еще не решалась взять куклу-тетеньку в руки.

– Мамка твоя со своего курорта приедет, у ней и спраши-

вай.

Выяснилось, что мама вернется не скоро, только через три недели, вместе с Творческой Жилкой.

Даже в витрине «Детского мира» таких кукол не бывает. Ноги сгибались в коленках, а руки в локтях, и только пальцы оставались неподвижными, зато ладошки вертелись во всех направлениях – у Шкоды так не получалось. А лицо! Кукла-тетенька улыбалась, отчего на щеках у нее были ямочки, в чуть приоткрытом рту белели зубки. Наташа с медведем любовались на нее во все три глаза.

Шкоде на секунду стало жалко Наташу, с ее пластмассовыми, как и вся она, волосами и добрыми неподвижными глазами, день и ночь открытыми; но только на секунду. Схватив расческу, девочка начала причесывать густые, мебельного цвета волосы новой куклы. Волосы были волнистые, пышные и блестящие. Наверное, кукле не нравилось причесываться – а кому нравится? – и, хоть она продолжала улыбаться, то и дело моргала, мелькая ресницами. Положишь – закроет глаза, как Спящая красавица. Посадишь или поставишь – опять открывает.

Шкода старательно завернула мамину куклу в старый бабкин платок и положила спать в Наташину кроватку – пускай отдохнет, устала небось от мирного времени. Вон часы совсем сломались... Наташа не обиделась, а кукла-тетенька закрыла глаза, но даже во сне улыбалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.